

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

И.Н. Косиченко

Майяский идальго

Юкатанские майя на службе правительства в начальный период Войны каст (1847—1853)

В статье рассматривается феномен привлечения на военную службу индейцев майя в ходе начального периода Войны каст на Юкатане (1847—1901). Нехватка человеческих ресурсов на театре военных действий привела к вербовке лояльных правительству индейцев, стимулами для которых стали получение титула идальго и соответствующее данному статусу освобождение от налогов. Практика применения вспомогательных индейских частей не ограничивалась хозяйственными работами, в начале войны они стали неотъемлемой частью правительственных вооруженных сил Мексики.

Ключевые слова: Мексика, военная история, армия, ополчение, Война каст, Юкатан.

DOI: 10.31857/S0044748X0005581-8

Статья поступила в редакцию 07.03.2019.

«Когда общее восстание индейцев почти достигло столицы, появилась счастливая идея довериться им самим, дав имя идальго тем немногим, что еще не восстали...»

Генерал Мануэль Мичелторена

Война каст на мексиканском Юкатане (1847—1901) была самым масштабным, кровопролитным и сложным со всех точек зрения гражданским конфликтом в Латинской Америке XIX в. Подход к исследованию проблемы с точки зрения историографии со временем видоизменялся: от оценки конфликта как расовой войны на уничтожение (именно такой она виделась белому населению Юкатана в XIX в.) через трактовку с позиций социальной истории XX в. до возникшего в последнее десятилетие многофакторного взгляда на Войну каст как на характерный для латиноамериканской и африканской истории период неконтролируемого насилия — «*la violencia*». Так или иначе, Война каст являла собой пример причудливого смещения слабости государственной власти, центробежных течений муниципальной

Иван Никитович Косиченко — аспирант Учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю.В.Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета (125993 Москва, Миусская пл., 6, ivan.kosichenko@gmail.com).

политики, спора между централизмом и федерализмом, перетекавшего от слов к вооруженным столкновениям и переворотам, а от них — вновь к переговорам, экономических реформ, основанных на либеральных рыночных идеях, личных конфликтах, переходивших в многолетние вендетты, и многого другого.

Период Войны каст не только вызвал к жизни множество новых социальных практик, но и вернул старые, казалось бы, давно забытые. Системы индейского самоуправления, упраздненные на волне республиканского идеализма (и рыночного стремления к приватизации общинных земель), возвращаются как традиционный способ сохранения лояльности коренного населения. Гражданское ополчение, брошенное в горнило войны взамен практически отсутствующей регулярной армии, начинает осознавать себя как независимую и отличную от нее структуру, а его офицеры становятся неотъемлемой частью местных элит. И, разумеется, в центре этого вихря оказывается коренное население. Неконтролируемое насилие вызвало практически из небытия еще колониальную практику возведения в «дворянское» достоинство индейцев, находившихся на службе правительства, или лояльных ему вождей общин — «*indios hidalgos*».

Однако правительство Юкатана опасалось массово вооружать майя и потому ограничилось их привлечением к хозяйственным работам в зоне конфликта и ведению оперативной разведки. Всего в документах, освещающих военные операции с 1848 по 1855 г., встречается 43 упоминания об этих индейцах, в основном, относящиеся к 1850—1852 гг. Продолжая традицию колониальной эпохи, они получали почетный статус идалго (*hidalgo*), принципиально отличающийся в худшую сторону от традиционного средневекового, ведущего свою историю еще с XII в., однако так же предполагающий, среди прочего, освобождение от подушной подати (*contribución personal*), что было очень привлекательно для индейского населения*.

Отдельно от новых *hidalgos* существовала еще одна группа привилегированных представителей коренного населения — так называемые *reservados* [1, f. 243]. Эта группа включала в себя престарелых или освобожденных от военной службы по иным причинам индейцев, которые также обладали определенными привилегиями и гораздо больше напоминали идалго колониальной эпохи. На Юкатане XIX в. титул идалго не имел никакого отношения к концепции дворянства и знатности и являлся лишь знакомым и привлекательным для индейцев обозначением статуса.

Изначально идалго вербовались на асьендах северо-западной части полуострова [2, с. 86], однако к 1850 г. их количество достигло цифры, поз-

* Майяские идалго колониальной эпохи, в отличие от представителей высшей знати ацтеков и инков, включенных в систему испанского титулованного дворянства, имели более скромные перспективы на службе новой власти. Исследования истории Юкатана XVI—XVII вв. упоминают случаи, когда отличившиеся перед колониальными властями индейские вожди получали наследственное освобождение от налогов, право пользоваться привилегиями, положенными «касику и природному господину» и приставку «дон» к имени. Среди прочих можно привести пример дона Хуана Чана, касика Чансеноте (См.: A.Rocher Salas. La Montaña: espacio de rebelión, fe y conquista. Estudios de Historia Novohispana, 2014, vol. 50, p. 65.). То есть должность касика сама по себе, без отличий на службе короне, не предполагала формальных привилегий.

Война каст. Одно из сражений. Автор неизвестен

воляющей полагать, что индейцы записывались на военную службу практически по всей территории, находящейся под контролем правительства. Помимо освобождения от налогов служба властям давала еще один большой бонус: майя, ставший идальго, переставал быть объектом массовой антииндейской истерии, начавшейся незадолго до Войны каст и достигшей огромных масштабов с ее началом. В ситуации, когда каждый индеец рассматривался как потенциальный *enemigo salvaje* — враждебный дикарь, иметь прикрытие в виде статуса военнослужащего было важно. Об этом довольно красноречиво свидетельствует численность идальго — на август 1850 г. правительству служили 10 тыс. майя [1, f. 144], что соотносимо с академическими оценками количества активных участников восстания.

Хотя правительство Юкатана награждало отличившихся индейцев уже с конца 1847 г., механизм массовой вербовки был разработан лишь в 1848 г. Приказом от 27 мая этого года был установлен порядок набора идальго во всех округах Юкатана [3, с. 208-209]. Сохранились также свидетельства о том, что в некоторых регионах индейцы, желающие стать идальго, сначала должны были доказать свою лояльность участием в боевых действиях и только потом получали пожалование. Таков весьма показательный пример Педро Ноха и Мануэля Ука, приобретших титул в конце августа 1850 г. [1, f. 122]. В июне 1850 г. оба явились на подконтрольную правительству территорию в составе группы из десяти так называемых *presentados* — гражданских лиц, добровольно оставивших область, охваченную восстанием. Находясь в зоне боевых действий фактически под властью местных военных, представленных в данном случае полковником Сирило Бакейро, они были посланы обратно на поиски засеянных маисовых полей и мест хранения собранного урожая. Первая вылазка прошла успешно, после чего

Бакейро добавил к отряду еще шесть человек, во главе которых поставил Педро Неха, назначив его сержантом.

В этих вылазках подразделение вступало в боевые столкновения с восставшими, вывозило с их территории захваченное зерно, а однажды вывело группу *presentados* в составе 24 человек и взяло в плен шестерых повстанцев. Впечатленный результатами полковник Бакейро подал представление о присвоении титула этим шестнадцати, отметив наиболее отличившихся, которыми оказались Педро Нех и Мануэль Ук. К концу августа, после почти двух месяцев службы и целого ряда регулярных вылазок, члены означенной группы получили титул идалго. Но их непосредственное участие в разведывательных вылазках и боях виделось второстепенной задачей и для правительства штата Юкатан, и для военного министерства в Мехико.

Приложенная к вышеуказанному документу справка о том, за что присваивался титул идалго, очень хорошо иллюстрирует реальные интересы правительства штата: после краткого, но яркого описания заслуг представленных к награде дается общее описание стоящих перед идалго задач: «*como auxiliares en la conducción de municiones de boca y guerra y ya como zapadores en los desmontes que a cada paso se ofrecen*» [1, f. 122]. Роль идалго (по существу, вспомогательных сил — носильщиков и саперов) — транспортировка провизии и боеприпасов, а также валка леса вокруг аванпостов и на стремительно зарастающих тропах в джунглях. Правительству штата вторит военное министерство: в письме командующему войсками на Юкатане генералу М.Мичелторене от 31 мая 1850 г. военный министр подчеркивает, что идалго не стоит выставлять на передовые позиции в бою. Указывается также, что их служба очень важна для центрального правительства [1, f. 244]. По всей видимости, именно идалго отводилась роль тех индейцев, которые должны своим примером указать восставшим мирный путь окончания войны. Впрочем, имея в виду отношение юкатанского общества к повстанцам, это была скорее очередная иллюзия верховной власти.

В документах сохранились как упоминания идалго в составе подразделений, совершающих рейды на территорию повстанцев, так и эпизоды их привлечения к саперным и прочим вспомогательным работам. Что касается второго, то в докладе от 29 октября 1850 г. полковник Фелипе Прен, командующий округа Текаш, наряду с провизией, порохом и алкоголем, просит командование выделить *una sección de hidalgos* — подразделение неопределенной численности (обычно до 300 человек) для проведения работ по строительству инфраструктуры гарнизонов и аванпостов [1, f. 28]. 12 апреля 1850 г. подполковник Маркос Онтиверос в докладе, касающемся снабжения действующих в районе г. Пето правительственных сил, указывает на недостаток *graneros* — сборщиков зерна. Войска, фактически обреченные на самообеспечение, были вынуждены собирать урожай, и выделение для этого личного состава дислоцированных в регионе боевых подразделений вместо идалго могло ослабить линию гарнизонов и аванпостов. Однако последние, долгое время находясь в зоне боевых действий, начинали дезертировать или заболевали и банально расходились по домам (что также считалось дезертирством, но выделялось особо), поэтому подполковник Онтиверос просит обеспечить ротацию подчиненных ему вспомогательных

сил. Результатом продолжительного отсутствия смены было то, что, из 200 идалго, находившихся в его распоряжении, «остаются при гарнизонах лишь немногие, отчаявшиеся вернуться в свои дома» [1, f. 119].

В докладе рубежа января-февраля 1851 г. капитан Мариано Рока, командир гарнизона в Сан-Антонио, выражает большую озабоченность отсутствием в своем распоряжении индейских военнослужащих [4, f. 16]. В это время на Юкатане наступил сезон жатвы и подготовки новых посевных площадей, и дислоцированным в регионе войскам было критически важно оперативно завладеть урожаем с занятой противником территории. Однако, как пишет капитан Рока, в его распоряжении имелись лишь 8 идалго и 6 вьючных животных. В заключении своего доклада он подчеркивает жизненную важность выделения идалго для сбора маиса ввиду необходимости обеспечения войск продовольствием.

1 апреля 1851 г. полковник Хуан Мариа Новело в своем отчете об активных действиях, предпринятых против нового центра повстанцев Чан-Санта-Круса силами 150 пехотинцев и 20 «казаков» («cosacos», предположительно — добровольческой кавалерийской роты Мерида), сообщает о захвате большого количества трофеев в виде продовольствия и иных припасов, однако сожалеет о невозможности его вывоза с территории повстанцев по причине отсутствия в рейдовой группе идалго и вьючных животных [4, f. 33]. Из имеющихся документальных источников становится понятно, что индейские идалго в ходе боевых действий выполняли те обязанности, которые им могло доверить военное командование без лишних опасений.

Саперы, носильщики, фуражиры — эти роли не требовали высокой квалификации, а если индеец дезертировал, то его потеря была не критична. В то же время, идалго, набранные из местных жителей, могли быть незаметны в поисках полей маиса, особенно маленьких мильп* в джунглях, скрытых от глаз правительственной администрации и сборщиков налогов, и тайных троп, которыми сообщались повстанцы или по которым можно было незаметно подобраться к занятому ими селению или ранчо.

Однако участие идалго в Войне каст не ограничивалось лишь хозяйственными работами. Как уже было отмечено, они нередко отправлялись на территорию противника в составе рейдовых групп правительственных войск. Первые упоминания использования идалго в подобной роли содержатся в документах военного министерства, относящихся к весне 1850 г. 30 марта командир аванпоста, расположенного на ранчо Цабиль, сообщил о том, что на территорию противника была отправлена фуражная партия из 22 идалго под охраной 15 солдат Национальной гвардии [5, f. 280]. В ходе поисков фуража группа была атакована противником и отбила нападение без потерь, повстанцы же потеряли троих. Характерно то, что индейцы в данной ситуации были в большинстве, и командование им достаточно доверяло, чтобы не посылать значительный эскорт для предотвращения их дезертирства или перехода на сторону противника.

* Мильпа (milpa) — кукурузное поле (Центральная Америка), обрабатываемое подсечно-огневым способом. — *Прим. ред.*

Война каст. Угон майя в рабство. Картина Кастро Пачеко

В докладе о зачистке окрестностей селения Кампокольче от 31 марта 1850 г. капитан Деметрио Мальдонадо доносит о том, что при прорыве его отряда через засаду повстанцев в числе прочих потерь ранение получил один идальго [5, f. 288]. С учетом значительной общей численности группы (более 200 человек) допустимо предположить, что ее сопровождало соответствующее количество индейских вспомогательных сил. В докладе от 14 апреля 1850 г. (также из Кампокольче) полковник Х.М.Новело сообщает о зачистке обширной территории между этим опорным пунктом и фортом Бакалар на юго-западной границе с британскими владениями в Белизе, в ходе которой было обнаружено множество деревень и ранчо, находившихся под контролем противника, а также о том, что для закрепления успеха на индейскую территорию отправляется следующая рейдовая группа численностью в 275 пехотинцев и 40 идальго [1, f. 118].

Эти цифры дают представление о соотношении идальго и солдат Национальной гвардии при участии в крупных походах на территории, занятые повстанцами. Здесь, однако, необходимо сделать небольшое уточнение. Начало 1850 г. для правительственных войск было относительно благополучным, поэтому численность личного состава, принимавшего участие в рейдах, была довольно высока. Но уже к концу того же года сконцентрировать ударную силу сравнимой мощности стало весьма затруднительно.

Летом 1850 г. юго-восточное направление продолжало быть основным фронтом действий правительственных войск. 30 июля подразделение в 100 человек из 1-го батальона Национальной гвардии, 8 «казаков» и 25 идальго

под общим командованием капитана Дионисио Валенсия предприняло операцию по прикрытию аванпоста на ранчо Сан-Антонио, который должен был быть установлен отрядом подполковника Франсиско Альфаро [1, f. 64]. Операция прошла успешно, а группа капитана Валенсия захватила внушительные трофеи и обеспечила эвакуацию 133 гражданских с территории противника. Индейцы-идальго снова составили значительную часть рейдовой группы, что вкупе с вышеупомянутыми запросами на выделение вспомогательных сил от командиров гарнизонов позволяет сделать вывод об их востребованности на указанном театре боевых действий.

Еще большее доверие к идальго наблюдается у командиров в зоне ответственности 5-ой оперативной дивизии — районе г. Кампече. В докладе от 26 августа вновь упоминается Педро Нох, произведенный в идальго месяцем ранее. Сообщается, что группа из 16 индейцев под командованием Ноха была отправлена с фуражирской экспедицией на территорию противника без прикрытия со стороны солдат Национальной гвардии [1, f. 67]. Несмотря на то, что драгоценного зерна обнаружить не удалось, ибо «на удалении до 13 лиг урожай на всех милях собран досрочно», отряду удалось захватить в плен 13 повстанцев. А это очень внушительная цифра для обычных фуражиров.

Возможно, сыграло свою роль то, что отряд состоял исключительно из идальго, что позволило Ноху договориться с застигнутыми врасплох мятежниками. Части Национальной гвардии пленных брали редко. Во всяком случае сообщения о повстанцах, взятых в плен и доставленных в гарнизон для дальнейшего суда или иных действий со стороны государственных и военных властей, встречаются нечасто. В первые годы войны солдаты Национальной гвардии, отнюдь не чуждые всеобщей антииндейской истерии, а некоторые, вероятно, и имеющие личные счеты к повстанцам за сожженный дом, разоренное поле или убитых родственников, редко проявляли гуманность в обращении с пленными. Поэтому лучшее, на что мог рассчитывать индеец, пойманный с оружием на территории повстанцев, — быстрая смерть. Проблема достигла таких масштабов, что ей было обеспокоено даже правительство [5, f. 327]. Однако оно использовало сложившуюся ситуацию в своих целях, оправдывая продажу пленных майя на принудительные работы (фактически — в рабство) на Кубу соображениями гуманности. Награда за взятых в плен должна была умерить кровожадность разъяренных солдат.

Индейцы западной части полуострова были куда больше расположены к добровольной сдаче вплоть до перехода на сторону правительственных войск. В том же докладе (который является выжимкой из нескольких донесений от разных дивизий за август — начало сентября 1850 г.) сообщалось о том, что 28 августа некий индеец Мануэль Ич явился в гарнизон правительственных войск в сопровождении 45 гражданских лиц, выведенных им с территории противника [1, f. 69]. Отмечалось также, что Ич подтвердил доклад Ноха о том, что урожай со всех полей собран досрочно. В награду командир 5-ой дивизии представил Ича к титулу идальго, вероятно, рассчитывая на его дальнейшую службу.

Война на западе полуострова была куда менее напряженной, чем на юго-востоке, и последующие доклады снова возвращают нас в этот боло-

тистый и малонаселенный край. В донесении полковника Хуана Мариа Новело от 3 октября сообщается об экспедиции в составе 151 пехотинца, 11 «казаков» и 25 идалго, вышедшей 16 сентября в двухнедельный рейд на территорию противника, который охватил огромное количество мелких населенных пунктов [1, f. 24]. 27 октября в зоне ответственности 4-ой дивизии (г. Вальядолид) была предпринята масштабная патрульно-рейдовая операция силами 190 пехотинцев и 30 идалго под командованием подполковника Ласаро Хесуса Руиса, продолжавшаяся до 17 ноября [1, f. 40]. 11 ноября из гарнизона Кохйяшче была отправлена патрульная экспедиция из 60 пехотинцев, 10 «казаков» и 12 идалго, возглавляемая капитаном Фелипе Паредесом. Углубившись на 12 лиг на территорию повстанцев, отряд обошел 12 мелких населенных пунктов, эвакуировал 60 гражданских лиц и неоднократно сталкивался с противником [1, f. 40]. 14 ноября из гарнизона Сабан в южном направлении вышел отряд в составе 150 пехотинцев и 10 идалго под командованием капитана Хосе Руэла, патрулирование продолжалось вплоть до 24 числа того же месяца. Захватив богатые трофеи, прежде всего в виде вьючных и тягловых животных, подразделение благополучно вернулось к месту постоянной дислокации [1, f. 55]. С 5 по 8 ноября продолжалась экспедиция полуроты (65 человек) 1-го батальона Национальной гвардии под командованием капитана Состенеса Домингеса, усиленной 11 «казаками» и 20 идалго с аванпоста Нохйяшче [5, f. 396]. Как и в большинстве случаев, задачей это экспедиции было обследование малых населенных пунктов в поисках противника, гражданского населения и трофеев. 21 ноября капитан Домингес вновь отправился на земли повстанцев, на этот раз с 90 гвардейцами, 12 «казаками» и 20 идалго [1, f. 58]. Рейд продолжился до 26 ноября и принес значительный результат в виде 192 эвакуированных гражданских лиц и 51 единицы реквизированных мулов и лошадей.

22 ноября повстанцы активизировали свои действия и совершили нападение на город Болончентикуй, находившийся в зоне ответственности 6-ой оперативной дивизии [1, f. 44-45]. Полковник Кристобаль Трухильо в своем докладе о произошедшем сообщает, что индейцам практически удалось занять город, но яростное сопротивление малочисленного местного гарнизона, состоявшего из национальных гвардейцев и идалго, остановило их продвижение. Нападающие были вынуждены отступить, попутно разграбив занятую ранее часть города и предав огню три дома. Защитники потеряли семь человек, в том числе офицера идалго. Позднее в тот же день до Болончентикуй добралась женщина в сопровождении едва живого идалго, которая сообщила, что ранчо Санта-Крус захвачено отрядом из 500 человек под командованием полевого командира Пабло Гонгора. Четверо идалго из Шнох-Айна, направлявшиеся на ротацию, были схвачены и трое из них зверски убиты. Четвертому удалось бежать и сообщить о нападении правительственным силам.

Этот доклад подтверждает информацию, содержащуюся в более ранних сообщениях из Кампече, о наличии у идалго собственной иерархии, однако если история П.Ноха сообщает о его производстве в чин сержанта, то среди убитых в Болончентикуйе оказался *oficial* — младший офицер. Ввиду скудости информации об организации идалго можно лишь предположить, что иерархия в их среде незначительно отличалась от общеграж-

данской, и офицерами идалго становились наиболее уважаемые люди общины, то есть касики. Этот тезис подкрепляется научными изысканиями профессора университета штата Оклахома Терри Рагли, чье исследование на основании материалов гражданских архивов Юкатана показало, что если командиром подразделения идалго был индеец, то, как правило, он выбирался по тому же принципу, что и касик [2, f. 86].

Другим важным моментом является судьба захваченных идалго. История умалчивает, каковы были шансы выжить у дезертировавшего к противнику идалго, но вышеуказанный документ явно показывает, что восставшие индейцы относились к предателям с крайней ненавистью, и участь взятого в плен идалго была еще менее завидна, чем у повстанца, захваченного правительственными войсками в начале войны.

Прочие донесения содержат очень схожую информацию: Война каст представляла собой довольно однообразный, относительно вялотекущий конфликт, сконцентрированный в одном регионе. Патрули, рейды, фуражирские экспедиции были ее рутинной и основным методом ведения боевых действий. В период 1850 — начала 1851 г., на который приходится основной массив чрезвычайно подробных и многочисленных докладов, обозначаются роль и положение индейских идалго на первом этапе Войны каст. В зоне наиболее интенсивных боев, на юго-востоке Юкатана, идалго, как правило, составляли 1/5-1/6 часть рейдовых групп, отправлявшихся на индейскую территорию. Принимали ли они активное участие в боях или использовались преимущественно в роли рабочей силы — носильщиков, проводников и разведчиков, — остается неясным.

Другим примером участия идалго в войне служит западный регион Кампече, где из индейцев было сформировано как минимум одно самостоятельное подразделение под командованием сержанта Ноха, активно применявшееся для оперативной разведки, сбора зерна на территории противника и эвакуации гражданских лиц. Эти действия отряд выполнял без участия или прикрытия Национальной гвардии. На основании более обширного материала гражданского происхождения Т.Рагли делает вывод о том, что *hidalguía militar* к 1850 г. превратилась в очередную форму индейской трудовой повинности, характерной для Юкатана [2, f. 88]. Однако опыт того же 1850 г., насыщенного документальным материалом Министерства войны и флота Мексики, явно демонстрирует, что практическое применение лояльных майя отнюдь не ограничивалось хозяйственными работами.

Начальный период Войны каст стал звездным часом для индейцев, желавших сражаться на стороне правительства или способствовать подавлению восстания каким-то иным образом. Вскоре, в 1852—1853 гг., военная ситуация стабилизируется, повстанцы окажутся на грани поражения, затем война приобретет позиционный характер, который сохранится еще на протяжении половины столетия. Необходимость присутствия идалго на передовой резко уменьшится, и в документах за эти годы они практически перестанут упоминаться. Потеряв свое значение как вспомогательные силы в зоне боевых действий, майяские идалго окончательно уйдут в историю вместе со второй Мексиканской империей в 1867 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. AHSEDENA Expediente XI/481.3/2914, t.I, f. 1-247.
2. Rugeley T. Rebellion now and forever: Mayas, Hispanics, and caste war violence in Yucatán, 1800-1880. Stanford, Stanford University Press, 2010, 464 pp.
3. Orden de 27 de mayo. Aprobando la organización de hidalgos para el servicio de campaña. Colección de leyes, decretos y ordenes o acuerdos de tendencia general del poder legislativo del Estado libre y soberano de Yucatán. Mérida, Imprenta de Rafael Pedrera, 1850, t. 3, p. 208-209.
4. AHSEDENA Expediente IX/481.3/3257, 84 ff.
5. AHSEDENA Expediente XI/481.3/2914, t.II, f. 248-491.

Ivan N.Kosichenko (ivan.kosichenko@gmail.com)
Postgraduate student of Center of Mesoamerican studies “Yuri Knorozov” of Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya square, 125993 Moscow, Russian Federation

The Mayan hidalgo. The Maya of Yucatan in the state service in the early period of the Caste War (1847—1853)

Abstract. The article deals with the phenomenon of draft for military service of the Maya natives during the early period of the Caste War of Yucatan (1847-1901), which was a high-scale etnosocial conflict that became a part of the long epoch of instability and political violence in the peninsula in 19th century. The necessity of labor force in the theatre of war drew up the draft of natives who had stayed loyal to the government. They were motivated by obtaining the hidalgo title and the exemption from taxes as a package. However, the practice of employment of auxiliary native troops was not limited to menial chores, and they became an integral part of government armed forces of Mexico.

Key words: Mexico, military history, military, militia, Caste War, Yucatan.

DOI: 10.31857/S0044748X0005581-8

Received 7.03.2019.